Погодину.
от Автора.

ЗА ГРАНИЦЕЮ

КОРРЕКТУРНЫЕ ЛИСТЫ

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

КАРЛСРУЭ.
ВЪ ПРИДВОРНОЙ ТИПОГРАФІИ В. ГАСПЕРА.
1859.

ЗА ГРАНИЦЕЮ

КОРРЕКТУРНЫЕ ЛИСТЫ.

ЗА ГРАНИЦЕЮ

КОРРЕКТУРНЫЕ ЛИСТЫ

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

КАРЛСРУЭ.

ВЪ ПРИДВОРНОЙ ТИПОГРАФІИ В. ГАСПЕРА.

1859.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

МАСЛЯНИЦА

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи.

Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица,
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыпленныя сердца.

Здравствуй, Русская молодка,
Раскрасавица душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка зима!

Изъ-за льдистаго Урала
Какъ сюда ты невзначай,
Какъ, родная, ты попала
Въ бусурманскій этотъ край?

Здѣсь ты, сирая, не дома,
Здѣсь тебѣ не по нутру;
Нѣтъ приличнаго пріема,
И народъ не на юру.

Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Какъ задать здѣсь пиръ горой?
Не сумѣть имъ, Нѣмцамъ этимъ,
Поздороваться съ тобой.

Не напрасно дѣдовъ слово
Затвердилъ народный умъ:
„Что для Русскаго здорово,
„То для Нѣмца корочунъ."

Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
Съ снѣгомъ — батюшка морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ.

Ты у насъ краса и слава;
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!

Скоро масляницы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами и настойкой
Закутитъ крещеный міръ.

Въ честь тебѣ и ей, Россія,
Православныхъ предковъ дочь
Строитъ горы ледяныя,
И гуляетъ день и ночь.

Игры, братскія попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышутъ бѣшеныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца.

Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ облакахъ!
Красота ямской артели,
Возжи ловко сжалъ въ рукахъ,

Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцемъ,
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцемъ.

Мать дородная въ шубейкѣ
Важно въ розвальняхъ сидитъ,
Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ
Словно маковъ цвѣтъ горитъ.

Яркой пылью иней сыплетъ
И одежду серебритъ,
А морозъ лаская щиплетъ
Нѣжный бархатецъ ланитъ.

И бѣлѣе и румянѣй
Дѣва блещетъ красотой,
Какъ алѣетъ на полянѣ
Снѣгъ подъ утренней зарей.

Мчатся вихремъ безъ помѣхи
По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щелкаютъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.

Пряникъ, мой однофамилецъ,
Такъ же тутъ не позабытъ;
А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ
Сердце любо веселитъ.

Разгулялись городъ, села,
Загулялись старъ и младъ,
Всѣмъ зима родная гостья,
Каждый масляницѣ радъ.

Нѣтъ конца веселымъ кликамъ,
Пѣснямъ, удали, пирамъ.
Гдѣ тутъ Нѣмцамъ горемыкамъ
Вторить вамъ богатырямъ?

II

Сани здѣсь — подобной дряни
Не видалъ я на вѣку:
Стыдно сѣсть — въ чужія сани
Коренному Руссаку.

Нѣтъ, красавица, не мѣсто,
Здѣсь тебѣ не обиходъ,
Снѣгъ здѣсь рыхленькое тѣсто,
Вялъ морозъ и вялъ народъ.

Чѣмъ почтятъ тебя сударку?
Развѣ кружкою пивной,
Да копченою сигаркой,
Да копченой колбасой.

Съ пива только кровь густѣетъ,
Умъ раскиснетъ и лице:
Толи дѣло какъ прогрѣетъ
Наше рьяное винцо?

Какъ шепнетъ оно въ догадку
Ретивому на ушко?
Не споетъ, ей ей, такъ сладко
Хоть бы вдовушка Клико!

Выпьетъ чарку чародѣйку
Забубенный нашъ землякъ:
Жизнь копѣйка! — смерть злодѣйку
Онъ считаетъ за пустякъ.

Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока для всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него.

Но по нашему покрою,
Если Нѣмца взять въ расплохъ,
А особенно зимою,
Нѣмецъ — воля ваша! плохъ.

Дрезденъ, $\frac{\text{20-го Февраля}}{\text{4-го Марта}}$ 1853.

ВЕНЕЦІЯ.

По зеркалу зыбкаго дола,
Подъ темнымъ покровомъ ночнымъ,
Таинственной тѣнью, гондола
Скользитъ по струямъ голубымъ.

Гондола скользитъ молчаливо
Вдоль мраморныхъ, мрачныхъ палатъ:
Изъ мрака онѣ горделиво
Сурово и молча гдядятъ.

И рѣдко и рѣдко сквозь стекла
Гдѣ бъ свѣтъ одинокій блеснулъ:
Чертоговъ тѣхъ роскошь поблекла
И жизнь ихъ — минувшаго гулъ.

И дремлютъ дворцы саркофаги!
Но снятся имъ славные сны:
Дни древней, народной отваги,
Блескъ мира и громы войны,

Востока и трепетъ и горе,
Когда разглашала молва
Побѣды на сушѣ и въ морѣ
Повсюду державнаго льва;

И пиршествъ роскошныхъ веселье,
Когда новый Дожъ пировалъ
Въ дукальномъ дворцѣ новоселье,
И рогъ золотый воздѣвалъ.

Умолкли и громы и клики!
И средь опустѣвшихъ палатъ,
Левъ пережилъ вѣкъ свой великій,
Трезубецъ и грозный булатъ.

Погасла звѣзда, что такъ ярко
Лила свѣтозарный потокъ
На башни, на площадь Санъ-Марко,
На западъ и дальній востокъ.

Не ждите: не явится скоро
Свершая торжественный бѣгъ,
Пловучій дворецъ, Бучинторо,
Державы и славы ковчегъ.

Красавицы, нынѣ печальной,
Не вспыхнетъ восторгомъ лице:
Завѣтный залогъ обручальной
Давно распаялось кольце.

Красавицы вдовствуетъ ложе,
И дума ей душу гнететъ:
Но тщетно мечтать ей о Дожѣ,
Желанный женихъ не придетъ.

По зеркалу зыбкаго дола
Подъ темнымъ покровомъ ночнымъ,
Таинственной тѣнью гондола
Скользитъ по струямъ голубымъ.

Въ часы тишины и прохлады,
Синьора, услышавъ сквозь сонъ
Созвучья ночной серенады,
Не выйдетъ тайкомъ на балконъ.

Забыты октавы Торквато,
Умолкнулъ народный напѣвъ,
Которымъ звучали когда-то
Уста гондольеровъ и дѣвъ.

Гондола скользитъ молчаливо
Вдоль мраморныхъ, мрачныхъ палатъ:
Изъ мрака онѣ горделиво
Сурово и молча глядятъ.

Венеція, Сентябрь 1853.

КИССИНГЕНЪ.

I.

Я помню Киссингена тѣни,
Его ключей цѣлебный даръ,
И горъ лѣсистыя ступени,
Пріютъ прохлады въ знойный жаръ.

Я помню мирныя долины,
Гдѣ волнъ житейскихъ тихнетъ шумъ,
Поля и свѣжія картины,
Такъ умиряющія умъ.

По рощамъ и лугамъ окрестнымъ,
Бродилъ я, волю давъ мечтѣ,
Счастливый зрѣлищемъ прелестнымъ
Природы въ лѣтней красотѣ.

Но изъ прогулокъ ежедневныхъ
Одна была мнѣ всѣхъ милѣй;
Струей сочувствій задушевныхъ
Я по привычкѣ влекся къ ней.

Когда отъ скуки суетливой
Просилось сердце отдохнуть,
На рѣчку къ мельницѣ красивой
Оно указывало путь.

Тутъ все свѣжо, привольно, мило,
Душѣ легко, просторъ кругомъ;
И счастье, будь не легкокрыло,
Ему бы здѣсь зажить домкомъ.

Я погружался зрѣньемъ, слухомъ,
И въ бой колесъ и въ плескъ воды,
Посеребрявшей нѣжнымъ пухомъ
Кипучей влаги борозды.

Питалъ сей шумъ однообразный
Мою задумчивую лѣнь,
И наносилъ на умъ мой праздный
Крылатыхъ думъ лучи и тѣнь.

Тамъ мельникъ жилъ, почтенный старецъ,
Не то что нашъ колдунъ и сватъ,
А простодушнѣйшій Баварецъ,
Изъ Нѣмцевъ Нѣмецъ, ближнимъ братъ;

Заботливый, трудолюбивый,
Въ желаньяхъ трезвый, какъ мудрецъ,
Рабъ Господа благочестивый,
Въ семьѣ примѣрный мужъ-отецъ.

Крестомъ болѣзни отягченный,
Онъ не терялъ душевныхъ силъ;
Недугъ свой, труженикъ смиренный,
Онъ Богу въ жертву приносилъ.

Работалъ онъ что было силы,
Когда недугъ вздохнуть давалъ;
Молился онъ за домъ свой милый,
Когда недугъ одолѣвалъ.

Мы съ нимъ сроднились съ первой встрѣчи,
Онъ былъ по мнѣ, я былъ по немъ:
Обмѣномъ дружелюбной рѣчи
Мы все сближались съ каждымъ днемъ.

Прошли года: узрѣлъ я снова
Давно знакомыя мѣста:
Минувшихъ дней, изъ-подъ покрова,
Мнѣ вновь сказалась красота.

Спѣшилъ я къ мельницѣ, ... все та же,
И тотъ же звучныхъ волнъ привѣтъ,
И тотъ же вѣрный пёсъ на стражѣ,
А друга-мельника ужъ нѣтъ.

Господь послалъ конецъ страданьямъ,
Раба онъ съ миромъ отпустилъ;
И вмалѣ вѣрный, съ упованьемъ
Съ семьей простясь, онъ опочилъ.

Вздохнулъ я надъ сырой могилой,
Гдѣ спитъ онъ, мой минутный братъ;
Воззвалъ я: „Господи помилуй!
И мой конецъ будь тихъ и святъ!“

II.

Другимъ видѣньемъ умъ мой занятъ,
Другихъ сочувствій голоса
Меня зовутъ, и снова манятъ
Въ тотъ край, подъ тѣ же небеса.

И Киссингенъ во блескѣ новомъ
Рисуется моимъ мечтамъ:
Воображеньемъ, чувствомъ, словомъ,
Молитвой, пѣснью весь я тамъ.

Заботливымъ, сердечнымъ окомъ
За нею мысленно слѣжу;
За нею я, въ краю далекомъ,
Мечтой послушной ей, брожу.

И вижу я, восторга полный,
Какъ всѣ ей дань любви несутъ,
Какъ всѣхъ племенъ живыя волны,
Ласкаясь къ ней, ей пѣснь поютъ.

Она средь избранныхъ замѣтна,
Сіяньемъ внутреннимъ свѣтла,
И увлекательно привѣтна,
И повелительно мила.

Не ослѣпляя багряницей,
И снявъ съ чела златый вѣнецъ,
Она въ толпѣ глядитъ царицей
И самодержицей сердецъ.

Но упоеньями величья
Душа не обольстилась въ ней;
Не для нея судьбы отличья,
И власти блескъ и блескъ честей.

Она досугъ и сумракъ любитъ:
Въ невозмущаемой тиши
Она лелѣетъ и голубитъ
Святые помысла души.

На лонѣ мира и свободы
Жить любитъ чувствомъ и умомъ,
Таинственный языкъ природы
Ей по сочувствіямъ знакомъ.

Она любуется и нивой
Въ сіяньѣ жатвы золотой,
И рѣчкой съ мельницей красивой,
И рощи свѣжей темнотой.

О будьте къ ней вы благосклонны,
Вы, живоносные ключи,
Долина, воздухъ благовонный,
И тѣнь лѣсовъ и дня лучи,

Лазурь въ струящемся эѳирѣ,
Ночей покой и темнота,
И все и все что въ Божьемъ мірѣ,
Согласье, благость, красота!

Въ нее пролейте жизни силу,
Навѣйте здравья благодать,
Чтобъ милыхъ дней ея свѣтилу
Всегда безоблачно сіять.

ЛѢСЪ ГОРИТЪ.

Глядишь — у бѣдняка во дни свирѣпой стужи,
Такъ холодно внутри, какъ холодно снаружи:
А дома денегъ нѣтъ, чтобъ связку дровъ купить
И печку вытопить и дѣтямъ щи сварить.
Больной, и работать не въ силахъ третьи сутки,
Онъ видитъ, какъ его несчастные малютки,
Въ лохмотьяхъ, посинѣвъ отъ холода, дрожатъ,
И скорбный духъ его въ немъ словно камнемъ сжатъ.
И кажется ему въ судьбѣ его печальной,
Что счастливъ только тотъ, кто можетъ въ теплой спальной
Дѣтей своихъ согрѣть и уложить въ постель,
Забывъ, что на дворѣ морозъ или мятель.
Когда бъ Господь ему послалъ два-три полѣна,
Онъ въ радостныхъ слезахъ упалъ бы на колѣна,
Какъ въ бурю пристани достигнувшій пловецъ
Въ спасеньѣ признаетъ, что благъ къ нему творецъ.
Но счастья нѣтъ ему и не помогутъ слезы.
Что праздникъ на дворѣ — крещенскіе морозы,
Одни ему о немъ напомянуть могли.

А посмотрите, здѣсь на что дрова пошли.
„Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору"
Разшаркался огонь по высохшему бору.
Сперва змѣей тайкомъ онъ прячется во мху,
И тихомолкомъ ѣстъ съ деревьевъ шелуху.
Тамъ красный гребень свой и огненное жало
Чудовище смѣлѣй выказывать ужъ стало.
Клубами черный дымъ восходитъ до небесъ:
И вихремъ огненнымъ завылъ глубокій лѣсъ,
И разомъ обхвативъ верхи смолистыхъ сосенъ
Все ярче, все страшнѣй пожаръ молніеносенъ.

Какъ много ни почемъ тутъ выгорѣло дровъ:
Когда бъ ихъ часть пошла на пользу бѣдняковъ,
Не мало тяжкихъ нуждъ, отчаянья и плача
Предупредить могла ихъ на́ зиму раздача.
Какъ многихъ жалкихъ вдовъ и старцевъ и сиротъ,
Которыхъ печь пуста, какъ пустъ голодный ротъ,
Согрѣлъ бы сей костеръ — какъ на смѣхъ братьи нищей,
Лѣсъ обратившій сплошь въ пустое пепелище.

Хозяину накладъ, а бѣднымъ не барышъ:
И грустно на пожаръ въ сомнѣніи глядишь.
Безумно и грѣшно роптать на Провидѣнье.
Предъ волею его — покорное смиренье,
Одно убѣжище, одно спасенье намъ.
Мы въ книгѣ Промысла читаемъ по складамъ;
Намъ теменъ смыслъ ея: за буквой букву ловимъ.
Начнемъ ли толковать, мы пуще пустословимъ.
Намъ дѣтямъ не вполнѣ та грамота дана:
Про насъ, но не при насъ написана она.

Si jeunesse savait,
Si vieillesse pouvait.

Кабы молодость да знала,
Кабы старость да могла,
Жизнь такъ часто не хромала,
Жизнь бы иначе пошла.

На бѣду, когда есть сила
И на бой готовъ атлетъ,
Путеводнаго свѣтила,
Мудрой опытности нѣтъ.

Прйдетъ опытъ — и оцѣнитъ
Все что должно сдѣлать вновь,
Тутъ на подвигъ намъ измѣнитъ
Холодѣющая кровь.

Парусъ вздутъ погодой свѣжей;
Но забыли взять баластъ.
Есть баластъ — а парусъ гдѣ же?
Да и вѣтра Богъ не дастъ.

Какъ усердно ни хлопочемъ,
Все мы промахи даемъ:
Или цѣль мы перескочимъ,
Иль до цѣли не дойдемъ.

Plutôt être que paraître.

Не слыть а быть. Но въ свѣтѣ часто
Мы не бываемъ, а слывемъ:
Едва ль одинъ найдется на сто
Съ самостоятельнымъ лицемъ.

За неимѣньемъ лицъ — личины,
Все заголовки безъ головъ,
Блескъ пышныхъ рамокъ — а картины?
Еще Богъ не далъ мастеровъ.

На полкахъ переплеты, чудо!
А въ книгахъ бѣлые листы.
Добро бы бѣлые! но худо,
Что бѣлизна безъ чистоты.

Вездѣ подмостки, маскарады,
Все театральный гардеробъ,
Гдѣ на прокатъ берутъ наряды:
Свое лишь спесь, да мѣдный лобъ.

О человѣкѣ въ смыслѣ строгомъ
Мы не добьемся ничего:
Довольно воловымъ итогомъ
Намъ знать, какъ величать его.

Хоть про иного господина,
Толпу спросите, напримѣръ,
И скажутъ вамъ, какого чина,
Какихъ онъ знаковъ кавалеръ.

Спросить: правдивъ ли? нравственъ? честенъ?
Въ отвѣтъ вамъ каждый напрямикъ:
Вопросъ вашъ слишкомъ неумѣстенъ,
Про это знаетъ духовникъ.

КАРЛСБАДЪ.

I.

Увядающаго года
Грустныхъ признаковъ здѣсь нѣтъ:
Сберегла для насъ природа
Лучшихъ ласкъ своихъ привѣтъ.

День блистателенъ и жарокъ,
И тепла ночная тѣнь,
Неба щедраго подарокъ
Намъ на радость каждый день.

Отъ подошвы до вершины
Зеленѣютъ груды скалъ;
Между тополей рябины
Разсыпаютъ свой кораллъ.

Кое-гдѣ изъ тѣни темной,
Ребра исполинскихъ горъ,
Камни толщею огромной
Перерѣзываютъ боръ.

Быстрыхъ водъ веселымъ пѣньемъ
Пробуждая берега,
Тéпла мчится по каменьямъ
Мимо скалъ и сквозь луга.

Всюду жизнь, очарованье!
И по воздуху разнесъ
Свѣжихъ травъ благоуханье
Запоздалый сѣнокосъ.

II.

Жизнь въ Карлсбадѣ беззаботно
Льется тихимъ ручейкомъ;
Прозябательно, животно
По-Карлсбадски здѣсь живемъ.

Другъ на друга дни походятъ,
Отмѣчаешь ихъ едва;
Ноги и желудокъ бродятъ,
Но не бродитъ голова.

Нѣтъ задачъ головоломныхъ,
Мѣста нѣтъ трудамъ, борьбѣ;
Мысль въ размѣрахъ самыхъ скромныхъ
Молча мается въ себѣ.

Тихо, бережно, piano,
Насъ баюкаетъ покой;
Рано ляжешь, встанешь рано,
И пойдешь на водопой.

Пьешь иль Мюль-брунъ, или Шпрудель,
Вотъ забота! а потомъ
Ты, какъ ласточка, иль пудель,
Не заботься ни о чемъ.

По вершинамъ рыщешь смѣло,
Если крылья есть у ногъ;
Нѣтъ — такъ Визу, то и дѣло
Мѣришь вдоль и поперегъ.

Вылитый въ однообразность,
Здѣсь приноситъ каждый день
Поэтическую праздность,
Созерцательную лѣнь.

III.

Паровозъ надъ темной бездной
Ночью мчится какъ гроза;
А комета съ тверди звѣздной
Прямо смотритъ мнѣ въ глаза.

Два страшилища! пожаромъ
Рдѣетъ та средь мирныхъ звѣздъ;
Здѣсь, клубясь огнемъ и паромъ,
Скачетъ нашъ ночной поѣздъ.

Я лечу! но вдругъ увлекся
Мыслью въ милый мой Карлсбадъ:
Спать еще онъ не улегся,
Хоть онъ спать ложится радъ.

На мосту народъ толпится,
Жадно смотритъ въ небеса,
Гдѣ космато золотится
Дѣвы огненной коса.

Души зрителей волнуютъ
Суевѣрье, темный страхъ;
Всѣ по своему толкуютъ
Чудный очеркъ въ небесахъ.

Но не вслушиваясь въ сказки,
И мечтая и шутя,
Тутъ же черненькіе глазки
Щуритъ милое дитя.

И красавица гадаетъ
Въ любопытствѣ молодомъ:
Что ей небо обѣщаетъ
Въ яркомъ знаменьѣ своемъ?

Что ей скажетъ годъ кометы?
Дастъ ли жизнь сердечнымъ снамъ,
И отгадку и отвѣты
Сердца тайнымъ голосамъ?

Эти черненькіе глазки
Такъ умны и хороши,
Въ нихъ такъ много дѣтской ласки,
Вдохновенья и души,

Что, любуясь въ нихъ разсвѣту
Упоительной зари,
Забываю про комету,
Какъ она тамъ ни гори.

Октября, 1858 года.

ДОРОГОЮ ИЗЪ НИЦЦЫ ВЪ КАННЫ.
(Cannes.)

На свѣтломъ берегу полуденнаго моря,
Гдѣ, съ горней синевой оно лазурью споря,
Широко разлилось, какъ зеркало небесъ;
Гдѣ пальма, кипарисъ, зеленыхъ маслинъ лѣсъ;
Гдѣ съ темной зеленью красивый померанецъ
Роскошно сочеталъ свой запахъ и багрянецъ;
Гдѣ яркостью садовъ, и неба, и волны
Цвѣтущая зима соперница весны;
Гдѣ нѣгой грудь полна и жизнь очарованьемъ,
Вдругъ русскимъ на меня повѣяло дыханьемъ,
Съ вершинъ, бѣлѣющихъ подъ снѣжною грядой;
И грустно помянулъ я дальній сѣверъ мой.
Тамъ хладный трупъ земли обросшій мшистымъ снѣгомъ:
Окованные льдомъ не льются звонкимъ бѣгомъ
Ручьи, привѣтствуя долины и луга.
Подъ небомъ пасмурнымъ снѣга, одни снѣга.

Мнѣ стало совѣстно, мнѣ радоваться больно,
Что на чужомъ пиру роскошно и привольно,
Я, гость непризванный, я перебѣжчикъ, пью
Изъ кубка полнаго цѣлебную струю.

Живется здѣсь легко, на праздникѣ природы:
День теплый, сводъ небесъ, прозрачный воздухъ, воды,
И ризою цвѣтовъ одѣтая земля,
Все блещетъ, глазъ и мысль и душу веселя.

А братія мои, въ борьбѣ съ природой грубой,
Иль душно взаперти, иль подъ медвѣжьей шубой,
Когда случается имъ вылѣзть изъ берлогъ,
На солнце и на жизнь глядятъ какъ на подлогъ.
За трапезой земной печально мѣсто ваше.
Васъ горько обошли пирующею чашей.
На жертвы, на борьбу судьбы васъ обрекли:
Въ пустынѣ снѣговой вы схимники земли.
Богъ помощь вамъ, друзья! Его нужна вамъ благость,
Чтобъ бодро выносить суровой жизни тягость,
Чтобъ ропотъ одолѣть, не унывать умомъ,
И скудно добывать настойчивымъ трудомъ,
Что даромъ здѣсь даетъ и съ лихвой Промыслъ Божій.
Богъ помощь! святъ вашъ трудъ на вѣчный бой похожій.
Въ морозѣ, какъ въ огнѣ и вы закалены.
Но жертвы, но борьба вамъ будутъ зачтены.
Въ замѣну благъ земныхъ, вы, жатвою духовной,
Должны вознаградить Небесъ дѣлежъ неровной:
Умилостивить жизнь, когда строга она,
Посѣять въ тощій кряжъ науки сѣмена,
И солнце мысли, день добра и просвѣщенья,
Возжечь надъ тундрами и степью запустѣнья.

Мужайтесь! и для васъ міръ царство красоты.
Есть внутренняя жизнь: и въ ней свои цвѣты,
Съ ихъ свѣжей роскошью, съ ихъ прелестью душистой,
Свой дальній небосклонъ съ его лазурью чистой,
Какъ въ небѣ свой просторъ, какъ въ морѣ глубь своя,
И темныхъ родниковъ прохладная струя.

Января, 1859 *года*.

ВЕЧЕРЪ ВЪ НИЦЦѢ.

По взморью я люблю одинъ бродить глазѣя.
Особенно мила мнѣ тихая пора,
Когда сгараетъ день, великолѣпно рдѣя
Подъ пурпурнымъ огнемъ небеснаго костра.

Ужъ замеръ гамъ толпы, шумъ жизни, визгъ шарманокъ,
Пустѣетъ берегъ: онъ очищенъ, онъ заснулъ;
И пѣшихъ Англичанъ и конныхъ Англичанокъ
Послѣдній караванъ ужъ въ городъ повернулъ.

Въ прозрачномъ сумракѣ все постепенно тонетъ,
Утихъ мятежныхъ волнъ междоусобный бой;
И только изрѣдка чуть вздрогнетъ, чуть простонетъ
За зыбью зыбь, волна за сонною волной.

Куда разсѣянно ни поведу глазами,
Вездѣ волшебный рядъ плѣнительныхъ картинъ:
Тамъ берегъ Франціи красуется горами
И выпуклой рѣзьбой узорчатыхъ вершинъ.

На оконечности приморскаго изгиба,
Гдѣ каменная грудь даетъ отпоръ волнамъ,
Вотъ свой маякъ зажгла красивая Антиба,
Въ пустынѣ столбъ огня кочующимъ пловцамъ.

А здѣсь, ему въ отвѣтъ святаго Іоанна
Маякъ вонзилъ во тму свой пламень подвижной;
То вспыхнетъ молніей изъ дальняго тумана,
То пропадетъ изъ глазъ падучею звѣздой.

Такъ манитъ насъ звѣзда надежды, то свѣтлѣя,
То спрятавшись отъ насъ, то улыбаясь вновь:
Такъ дѣва робкая, предъ юношей краснѣя,
Желаетъ выразить и скрыть свою любовь.

10-го/22-го Февраля, 1859-го года.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

Есть люди, — и такихъ не мало —
Вся жизнь ихъ безконечный страхъ,
Не Божій, мудрости начало,
А страхъ больной съ бѣльмомъ въ глазахъ.

Глаза ихъ чѣмъ тупѣй и лживѣй,
Тѣмъ дальновиднѣй быть хотятъ:
Ихъ мудрость въ томъ, что все пугливѣй
Они на все и всѣхъ глядятъ.

Они живутъ въ особомъ мірѣ;
Имъ мало видѣть то, что есть:
Гдѣ прочимъ дважды два четыре,
Тамъ имъ съ испугу пять и шесть.

У нихъ всегда, какъ отъ угара,
Въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ звенитъ:
Имъ свѣчка — зарево пожара,
Набатомъ — каждый шумъ звучитъ.

Предусмотрительность ихъ мучитъ,
Но прозорливость ихъ смѣшна;
Она въ быка лягушку пучитъ,
И муху жалуетъ въ слона.

Огонь ли дальный домъ затронетъ?
У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба,
И, какъ во дни потопа, топетъ
Ихъ неповинная изба.

Кто заболѣетъ въ дальномъ царствѣ,
Хотя за тридевять земель,
Они сидятъ ужъ на лекарствѣ
И лечь готовятся въ постель.

Закрыты ставни, чтобъ заразой
Къ нимъ внѣшній воздухъ не проникъ;
И смотритъ докторъ пучеглазый
Разъ двадцать на день ихъ языкъ.

Чтобъ оставаться невредимо,
Чтобъ съ мѣста тронуться, чтобъ встать,
Имъ напередъ необходимо
Себя зашить, запаковать.

Все озираясь слѣва, справа,
На цыпкахъ выступаетъ трусъ,
Какъ будто подъ ногами лава
Иль землю взбударажилъ трусъ.

Они готовы, въ ослѣпленьѣ,
Когда бъ ихъ страху волю дать,
На карантинномъ положеньѣ
Весь Божій міръ пересоздать.

Ихъ блажь себя дурманомъ кормитъ.
И тотъ одинъ у нихъ съ умомъ,
Кто такъ себя захлороформитъ,
Чтобъ жизнь оцѣпенѣла въ немъ.

Нельзя глядѣть на нихъ безъ смѣха,
Но грусти этотъ смѣхъ съ родни;
Въ вратахъ добра, въ вратахъ успѣха,
Какъ пугала торчатъ они.

Благоразумія личиной
Свой малодушный умъ прикрывъ,
Они ложатся тяжкой льдиной
На каждый доблестный порывъ.

Стращаютъ мысль и упованья,
Развязкой горькой имъ грозя;
На всѣ вопросы, всѣ призванья,
Одинъ отвѣтъ у нихъ: нельзя!

Нельзя! твердятъ сыны коснѣнья;
Но въ человѣческой груди,
Къ чему жъ сей лозунгъ Провидѣнья?
„Трудись, надѣйся и гряди!“

Самонадѣянность насъ губитъ,
И мнительность болѣзнь ума:
Одна теряться въ тучахъ любитъ,
Другой, — что новость, то чума.

Мужъ благодушья, воли твердой,
Равно умѣетъ пренебречь
Пылъ опрометчивости гордой
И робость, сей Дамокловъ мечъ.

Въ душѣ его благое пламя,
Великихъ дѣлъ святой закалъ:
Онъ высоко подъемлетъ знамя,
Которымъ путь свой указалъ.

Судебъ избранникомъ послушнымъ
Идетъ онъ, вождь передовой,
Въ борьбѣ съ усердьемъ двоедушнымъ,
И съ трусостью, поднявшей вой.

МОЛИТВА.

Чертогъ Твой вижу, Спасе мой!
Онъ блещетъ славою Твоею:
Но я войти въ него не смѣю;
Но я одежды не имѣю,
Дабы предстать мнѣ предъ Тобой.

О Свѣтодавче, просвѣти
Ты рубище души убогой;
Я нищимъ шелъ земной дорогой:
Любовью и щедротой многой
Меня къ слугамъ Своимъ причти.

СОЗНАНІЕ.

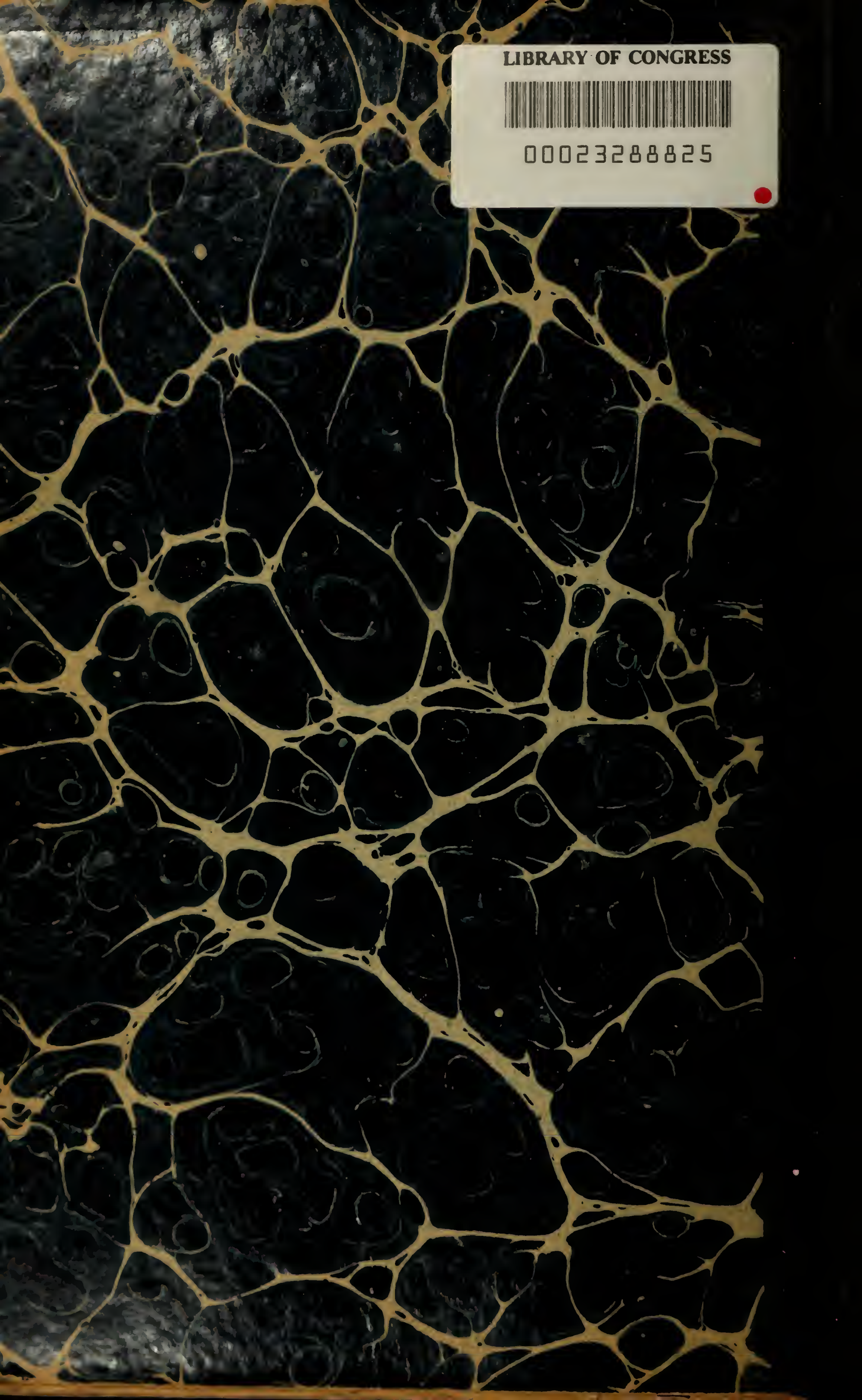
ВЛАДИМІРУ ПАВЛОВИЧУ ТИТОВУ.

Я не могу сказать, что старость для меня
Безоблачный закатъ безоблачнаго дня.
Мой полдень мраченъ былъ и бурями встревоженъ,
И темный вечеръ мой весь тучами обложенъ.
Я къ старости дошелъ путемъ родныхъ могилъ:
Я пережилъ дѣтей, друзей я схоронилъ.
Начну ли провѣрять минувшихъ дней итоги?
Обратно ль оглянусь съ томительной дороги?
Вездѣ развалины, вездѣ слѣды утратъ
О пройденомъ пути одни мнѣ говорятъ.
Въ себя ли опущу я взоръ свой безотрадный?
Все тѣ жъ развалины, все тотъ же пепелъ хладный
Печально нахожу въ сердечной глубинѣ:
И тамъ живымъ плодомъ жизнь не сказалась мнѣ.
Талантъ, который былъ мнѣ данъ для приращенья,
Оставилъ празднымъ я на жертву нерадѣнья.
Все въ сѣмени самомъ моя убила лѣнь,
И чуждъ былъ для меня созрѣвшей жатвы день.

Боецъ безъ мужества и труженикъ безъ вѣры,
Побѣды не стяжалъ и не восполнилъ мѣры,
Которая ему назначена была.
Гдѣ жертвой и трудомъ подъятыя дѣла?
Гдѣ воли торжество, благихъ трудовъ начало?
Какъ много праздныхъ думъ, а подвиговъ какъ мало!
Я жизни таинства и смысла не постигъ;
Я не сумѣлъ нести святыхъ ея веригъ.
И крестъ ниспосланный мнѣ свыше, мудрой волей,
Какъ воину хоругвь дается въ ратномъ полѣ,
Безумно и грѣшно, чтобы вольнѣй итти,
Снимая съ слабыхъ плечъ, бросалъ я по пути.
Но догонялъ меня крестъ съ ношею суровой;
Вновь тяготѣлъ на мнѣ, и глубже язвой новой
Насильно онъ въ меня врасталъ.

Въ борьбѣ слѣпой,
Не съ внутреннимъ врагомъ я бился, не съ собой;
Но Промыслъ обойти пытался разумъ шаткой,
Но Промыслъ обмануть хотѣлъ я, чтобъ украдкой
Мнѣ выбиться на жизнь изъ-подъ его руки,
И новый путь пробить призванью вопреки.
Но счастья тѣнь поймать не въ прокъ пошли усилья,
А избранныхъ плодовъ несчастья не вкусилъ я.
И видя дней своихъ скудѣющую нить,
Теперь, что къ гробу я все ближе подвигаюсь,
Я только сознаю, что разучился жить,
Но умирать не научаюсь.

LIBRARY OF CONGRESS
00023288825